

DOI 10.35775/PSI.2026.126.2.021

УДК 32.327

Д.И. ОРЕХОВ

аспирант, Российский государственный
гуманитарный университет,
Россия, г. Москва
E-mail: danja.orekhov1999@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматривается динамика внешнеполитического курса Китайской Народной Республики в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период 2012-2024 гг. в контексте противодействия формированию антикитайского пояса сдерживания. Анализируется эволюция подходов КНР к региональной политике на фоне трансформации международной среды и усиления геополитической конкуренции в АТР. Особое внимание уделяется политико-дипломатическим и военным инструментам внешней политики Китая, а также их роли в формировании региональной архитектуры безопасности. Теоретической основой исследования выступают элементы неореалистического и конструктивистского подходов, позволяющие выявить логику адаптации внешнеполитической стратегии КНР к изменяющимся условиям регионального и глобального развития.

Ключевые слова: внешнеполитический курс КНР, региональная безопасность АТР, баланс сил, стратегия сдерживания, политико-дипломатические инструменты.

Актуальность исследования и постановка научной проблемы. В условиях трансформации глобального баланса сил и нарастания международной нестабильности Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) становится ключевым пространством стратегического соперничества ведущих мировых держав. Китайская Народная Республика (КНР), демонстрируя устойчивый рост политического, экономического и военного потенциала, закрепляется в статусе одного из центральных акторов региональной и мировой политики. Усиление позиций КНР сопровождается обострением конкуренции с Соединенными Штатами Америки и их союзниками, что выражается в формировании комплекса военно-политических, экономических и институциональных механизмов, условно обозначаемых как антикитайский пояс сдерживания.

Сложность и многослойность внешней политики Китая в АТР обусловлены не только изменениями внешней среды, но и глубинными внутренними трансформациями партийно-государственного механизма КНР. Наряду с материальными факторами возрастающее значение приобретают идеологические установки, дискурсивные практики и культурно-исторические представления,

формирующие логику внешнеполитического поведения Пекина. Это актуализирует обращение к неореализму, фокусирующемуся на балансе сил и системном давлении, а также к конструктивизму, раскрывающему роль идентичностей, норм и символического капитала во внешней политике.

Целью настоящей статьи является анализ эволюции теоретических подходов к изучению внешней политики КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период 2012-2024 гг. с опорой на неореалистическую и конструктивистскую парадигмы, а также оценка их объяснительного потенциала применительно к стратегии Китая по противодействию формированию антикитайского пояса сдерживания.

Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих задач:

- определить особенности применения неореализма и конструктивизма к анализу внешней политики КНР в АТР;
- выявить институциональные и идеологические изменения внутри Китая, повлиявшие на характер его внешнеполитического курса после 2012 года;
- оценить возможности синтетического использования теоретических подходов для интерпретации стратегии КНР в условиях нарастающего внешнего давления.

Актуальность исследования определяется углублением стратегического соперничества между КНР и США, в рамках которого АТР выступает ключевым театром борьбы за региональное лидерство и формирование новых правил международного взаимодействия. С начала 2010-х годов китайская дипломатия демонстрирует отход от стратегии скрытого накопления потенциала к более активной проекции влияния, охватывающей военные, экономические, институциональные и дискурсивные инструменты.

Дополнительную актуальность работе придает необходимость критического переосмысления применимости западных теоретических моделей к анализу внешней политики государств с иным цивилизационным и институциональным устройством. Китайская модель, сочетающая марксистскую идеологию, конфуцианское наследие и централизованный партийно-государственный механизм, формирует специфическую логику внешнеполитического поведения, не сводимую к универсалистским схемам рационального выбора.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2012-2024 гг., что обусловлено фундаментальными институциональными и внешнеполитическими сдвигами, произошедшими в КНР после XVIII съезда КПК. Приход к власти Си Цзиньпина ознаменовал переход к стратегии усиления государства, централизацию механизмов внешнеполитического управления и переосмысление национальных интересов в категориях комплексной безопасности и развития.

Выбранный период включает ключевые этапы формирования антикитайского пояса сдерживания, включая торгово-экономическое противостояние с США, рост напряженности в Тайваньском проливе, институционализацию форматов QUAD и AUKUS, а также усиление дипломатического давления на Китай.

Завершение данного этапа отражает переход к устойчивой фазе стратегической конкуренции в АТР, что требует комплексного теоретического и методологического анализа внешнеполитического курса КНР.

Конструктивистское измерение внешней политики КНР и культурные основания секьюритизации. Применение конструктивистского подхода к анализу внешней политики КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе позволяет рассматривать безопасность не как объективно заданную категорию, а как результат целенаправленного социального и дискурсивного конструирования. В этом контексте особую эвристическую ценность представляет теория секьюритизации Копенгагенской школы [10. С. 26], согласно которой угрозы формируются через политически значимые речевые и символические практики, легитимирующие принятие чрезвычайных мер [16. С. 46].

Вместе с тем прямое заимствование западной модели секьюритизации применительно к Китаю сталкивается с культурно-цивилизационными ограничениями. В китайской политической традиции безопасность тесно связана с конфуцианским идеалом «гармонии» (和, хэ) [11. С. 16], предполагающим поддержание иерархически упорядоченного и морально легитимного порядка, а не жесткое противопоставление «друг-враг» [14. С. 26]. В этом смысле секьюритизация в китайском варианте опирается не только на дискурс угроз, но и на устойчивые историко-культурные архетипы.

Показательным примером является тайваньский вопрос, который в официальной риторике КНР трактуется не только как территориальный спор, но и как экзистенциальная угроза исторической и цивилизационной целостности китайской нации. Апелляция к концепции «великого единства» (大一统, дайтун) [13. С. 1] позволяет встроить проблему Тайваня в нарратив национального возрождения и тем самым вывести ее за рамки прагматической дипломатии.

Аналогичная логика прослеживается и в подходе Китая к ситуации в Южно-Китайском море. Здесь внешнее присутствие США и их союзников интерпретируется как фактор, нарушающий «естественный порядок» региона, тогда как КНР позиционирует себя в роли гаранта справедливой и морально оправданной региональной архитектуры. В этом контексте безопасность формируется в виде управления отношениями и балансированием интересов, а не как абсолютное доминирование. [14. С. 28]

Ключевым элементом китайского конструктивизма является также акцент на «дискурсивной силе» (话语权, хуаюйцюань) [12. С. 1] – способности формировать легитимирующие нарративы глобального и регионального порядка. Концепция «Сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体, Жэньлэй минъюнь гунтунти) [9. С. 37], продвигаемая с середины 2010-х годов, выступает инструментом символического позиционирования Китая в качестве ответственного и морально оправданного лидера, предлагающего альтернативу западно-центричным моделям международных отношений.

Рост частоты употребления в официальном дискурсе терминов, связанных с суверенитетом и угрозами, после 2012 года свидетельствует об активной

секьюритизации внешнего окружения в рамках стратегии «Великого возрождения китайской нации» (中华民族伟大复兴, Чжунхуа миньцзу вэйда фусин) [6. С. 9]. При этом китайская дипломатия демонстрирует способность сочетать риторику «мирного развития» с практиками точечной милитаризации, что объясняется традиционным понятием (势, ши) [7. С. 146] – ситуативной силы, возникающей из благоприятного соотношения обстоятельств.

Таким образом, конструктивистский анализ показывает, что внешняя политика КНР в АТР формируется в логике управления идентичностями, символами и отношениями, где безопасность выступает не статическим состоянием, а динамическим процессом поддержания иерархически организованной гармонии.

Неоклассический реализм и многоуровневая стратегия реагирования КНР в АТР. Неоклассический реализм предоставляет дополнительную аналитическую перспективу, позволяя связать системное давление международной среды с внутренними политическими и институциональными трансформациями КНР. В отличие от структурного неореализма, данный подход исходит из того, что реакция государства на внешние вызовы опосредуется восприятием угроз элитами, уровнем централизации власти и состоянием внутривластного консенсуса.

Период 2012-2024 гг. характеризуется глубокой трансформацией китайской политической системы, связанной с усилением персонализации и централизации власти. Создание новых координационных институтов, реформирование НОАК и устранение бюрократической фрагментации существенно повысили способность китайского руководства конвертировать внешние стимулы в согласованные политические и военные решения.

С точки зрения неоклассического реализма, усиление американского присутствия в АТР, формирование механизмов QUAD и AUKUS, а также модернизация союзнических структур США интерпретируются китайскими элитами как попытка стратегического окружения. Данная интерпретация выполняет двойную функцию: она отражает объективные изменения баланса сил и одновременно служит инструментом внутренней мобилизации и легитимации усиления государственного контроля.

Важно отметить, что внешняя политика КНР в регионе не сводится к логике наступательного реализма. Наряду с военной активностью Китай последовательно использует экономические, институциональные и дипломатические механизмы – от инициативы «Пояс и путь» до многосторонних форматов регионального взаимодействия. Этот гибридный стиль поведения подтверждает ключевой тезис неоклассического реализма о том, что государственные стратегии формируются на пересечении системных ограничений и внутренних приоритетов [15. С. 159].

В совокупности конструктивистский и неоклассико-реалистский подходы позволяют объяснить, почему Китай в условиях нарастающего давления в АТР избрал стратегию многоуровневого реагирования, сочетающую секьюритизацию

внешнего окружения, институциональную консолидацию и избирательное усиление военной составляющей без отказа от риторики мирного развития.

АТР как региональный комплекс безопасности в современной системе международных отношений. При этом стоит отметить, что региональная безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе с начала XXI века формируется в условиях высокой плотности акторов и пересечения глобальных и региональных интересов, что требует применения комплексных теоретических моделей анализа. АТР представляет собой не единое стратегическое пространство, а совокупность взаимосвязанных зон безопасности, внутри которых динамика угроз и взаимодействий определяется как локальными, так и трансрегиональными факторами.

В этом контексте значительный аналитический потенциал сохраняет теория комплексов региональной безопасности, разработанная в рамках Копенгагенской школы [10. С. 43]. Согласно данной концепции, безопасность государств формируется прежде всего на региональном уровне, где географическая близость и взаимная уязвимость создают устойчивые модели взаимодействия. Применительно к АТР данная теория позволяет рассматривать регион не как иерархическую систему, а как сетевую конфигурацию пересекающихся подкомплексов.

В российской научной традиции теория региональных комплексов была адаптирована с учетом цивилизационной и институциональной специфики АТР. Подчеркивается, что региональная безопасность здесь не может быть сведена исключительно к военному измерению, поскольку включает в себя конкурирующие модели политической организации, различные траектории модернизации и асимметричное распределение ресурсов влияния. [1. С. 25]. В рамках АТР условно выделяются Юго-Восточная Азия, Северо-Восточная Азия и более широкий Тихоокеанский контур, каждый из которых характеризуется собственной логикой взаимодействия с КНР – от институционализированного многостороннего диалога до жесткой стратегической конкуренции [3. С. 41].

Китай в данной конфигурации выступает одновременно как системообразующий и вызывающий обеспокоенность актор. Его растущее присутствие усиливает взаимозависимость в сфере безопасности, но одновременно стимулирует формирование механизмов внешнего сдерживания. Это делает АТР примером конфигурации «перекрывающихся комплексов», где традиционные региональные границы размываются под воздействием трансрегиональных процессов.

Классическая теория региональных комплексов, однако, требует расширения в условиях цифровизации, экономической взаимозависимости и роста роли нестатусных акторов [3. С. 92]. Экономические инициативы КНР, включая «Пояс и путь», формируют новые формы асимметричной безопасности, основанные не на военной мощи, а на инфраструктурной, финансовой и логистической связанности. В этих условиях безопасность все чаще приобретает характер сетевого феномена, выходящего за рамки территориальной логики [18. С. 3].

Ключевые конфликтные зоны в китайском понимании – Тайвань и Южно-Китайское море, которые выступают не только политическими, но и пространственными узлами безопасности, определяющими возможности морской проекции силы и стратегической автономии КНР. Историко-географические нарративы, включая концепцию «века унижения» (百年国耻байнянь гочи), [17. С. 6] формируют устойчивую интерпретацию внешнего давления как экзистенциальной угрозы, что придает вопросам суверенитета и контроля над морскими пространствами особый символический статус.

Ограничения классических парадигм и формирование комплексного подхода. Анализ внешней политики КНР в АТР в период 2012–2024 гг. показывает ограниченность использования изолированных теоретических парадигм. В условиях нарастающего системного давления и глубокой трансформации внутренних институтов Китая возникает необходимость в синтетической аналитической рамке, объединяющей элементы неореализма и конструктивизма.

Неоклассический реализм позволяет выявить влияние структурных факторов – изменения баланса сил, усиления американских альянсов и роста военной конкуренции – на стратегические решения Пекина. Усиление морской активности КНР и ответные меры США вписываются в логику регионального соперничества за влияние и безопасность. Вместе с тем реализм не способен в полной мере объяснить дискурсивную и нормативную составляющую китайской политики.

Конструктивистский подход, напротив, фокусируется на символических ресурсах, идентичностях и легитимирующих нарративах, таких как «Китайская мечта» и «сообщество единой судьбы человечества». Эти концепты выполняют функцию нормативного обоснования расширения китайского присутствия, представляя его как альтернативу западноцентричному порядку.

Ограничения обеих теорий проявляются в недооценке экономических инструментов влияния и культурной специфики китайского политического мышления. Экономические проекты КНР выступают не вспомогательным, а самостоятельным механизмом стратегического воздействия, а китайская политическая культура ориентирована не на бинарную логику конфронтации, а на формирование иерархически организованного порядка.

В этой связи целесообразно использование гибридной модели, в рамках которой:

- материальные факторы определяют рамки допустимого поведения;
- дискурсивные практики легитимируют внешнеполитические решения;
- культурные коды формируют долгосрочную стратегическую ориентацию.

Данный подход позволяет рассматривать внешнюю политику КНР как результат взаимодействия системных ограничений и внутренних установок, а не как механическую реакцию на внешнее давление.

Институциональная и военная трансформация КНР как элемент стратегии сдерживания. Институциональный анализ позволяет рассматривать внешнюю политику КНР как продукт трансформации партийно-государственного

механизма, особенно в условиях усиления централизации после 2012 года. Реформирование системы внешнеполитического управления и военного командования существенно повысило способность КНР к согласованному стратегическому реагированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Как отмечает А.В. Маслов, кадровые решения и институциональные преобразования в военной сфере направлены на устранение избыточной автономии военной элиты и обеспечение ее полной политической лояльности центральному руководству, что соответствует общей логике консолидации власти и усиления роли НОАК как инструмента реализации государственной стратегии [8. С. 26]. В свою очередь, М.В. Лексютина подчеркивает, что проводимые реформы носят долгосрочный характер и отражают постепенный переход Китая к модели «мобилизационного государства», в которой военная сфера становится важнейшим элементом национальной устойчивости [5. С. 26]. Усиление партийного контроля и обновление командного состава ориентированы не столько на подготовку к непосредственному вооруженному конфликту, сколько на формирование потенциала стратегического сдерживания в условиях нарастающей геополитической неопределенности.

Диалектический метод, укорененный как в марксистской, так и в китайской философской традиции, позволяет анализировать внешнюю политику как продолжение внутреннего развития. Концепция «двойной циркуляции» (新发展格局, синь фачжань гэцзюй) [4. С. 1] демонстрирует, как внутренняя модернизация используется для повышения устойчивости к внешнему давлению и усиления международных позиций.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Анализ эволюции внешней политики Китайской Народной Республики в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 2012-2024 гг. демонстрирует, что трансформация китайского внешнеполитического курса обусловлена как изменением международной среды, так и глубинными внутренними преобразованиями политической системы КНР. За рассматриваемый период Китай перешел от стратегии сдержанной адаптации к более проактивной и структурированной линии поведения, ориентированной на долгосрочное перераспределение регионального баланса сил и формирование благоприятного внешнего окружения.

На начальном этапе данного периода внешнеполитическая динамика КНР во многом укладывалась в рамки неореалистических объяснительных моделей, прежде всего связанных с конкуренцией великих держав и логикой сдерживания. Усиление американского присутствия в АТР и рост военной активности союзников США стимулировали Китай к наращиванию стратегических возможностей и укреплению суверенитета, что соответствовало реалистской трактовке борьбы за влияние. Однако по мере усиления централизации власти и реформирования механизмов принятия решений в КНР становится очевидной ограниченность структурного реализма.

Сдвиг в сторону неоклассического реализма позволяет более точно интерпретировать китайскую реакцию на формирование антикитайского «пояса

сдерживания», поскольку учитывает роль внутренних факторов – институциональной консолидации, восприятия угроз политическими элитами и мобилизационного потенциала партийного государства. Китай реагирует на внешнее давление не автоматически, а избирательно, соотнося внешние вызовы с внутренними стратегическими приоритетами.

Одновременно конструктивистский подход выявляет значимость идеологических и дискурсивных инструментов китайской внешней политики. Концепты «национального возрождения», «Китайской мечты» и альтернативного мирового порядка выполняют функцию легитимации как внешнеполитической активности, так и внутренней мобилизации. Через формирование нормативных и символических рамок КНР стремится не столько к прямой конфронтации, сколько к переопределению правил регионального взаимодействия и снижению эффекта изоляции.

Ответ Китая на попытки стратегического сдерживания в АТР носит многослойный характер и включает военные, институциональные, экономические и дискурсивные компоненты. Усиление НОАК, реформирование системы внешнеполитического управления, развитие инфраструктурных и экономических связей в рамках инициативы «Пояс и путь» формируют комплексную стратегию, направленную на повышение устойчивости КНР к внешнему давлению. Эти процессы не могут быть адекватно объяснены в рамках одной теоретической парадигмы.

В результате наиболее продуктивным для анализа внешней политики КНР в АТР представляется гибридный подход, сочетающий элементы неореализма, неоклассического реализма и конструктивизма. Такой синтез позволяет учитывать одновременно материальные факторы, институциональные механизмы и символическое измерение политики, выходя за рамки бинарного противопоставления «силы» и «идентичности».

В целом, исследование подтверждает, что внешняя политика Китая в АТР формируется как многоуровневая стратегия адаптации и трансформации регионального порядка. Ее анализ требует междисциплинарного и многомерного подхода, способного отразить сложность современных процессов в условиях усиливающейся фрагментации и конкуренции в мировой политике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Богатуров А.Д.** Региональные подсистемы международных отношений: теория и практика. М.: Наука, 2010 // <https://search.rsl.ru/>.
2. **Воскресенский А.Д.** Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. А. Д. Воскресенского. Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2020 // <https://znanium.com/catalog/product/1065832>.
3. **Воскресенский А.Д.** Региональные подсистемы международных отношений в Азии: теория и практика. М.: Восточная книга, 2011 // <https://search.rsl.ru/>.

4. **Кулинцев Ю.** Что означает и куда ведет «двойная циркуляция» Китая? // Российский совет по международным делам // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-oznachaet-i-kuda-vedet-dvoynaya-tsirkulyatsiya-kitaya/>.
5. **Лексютина М.В.** Китай и безопасность Азии // <https://mgimo.ru/library/publications/kitay-i-bezopasnost-azii/>.
6. **Ломанов А.В.** Новая концепция китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12 // <https://elibrary.ru/>.
7. **Малявин В.В.** «Конфигурации силы» (ши) в культурной традиции Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4 // <https://pdv.jes.su/s013128120021165-2-1/>.
8. **Маслов А.В.** Китай и мир: новые подходы к военной модернизации // Российский совет по международным делам // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-mir-novye-podhody-k-voennoy-modernizatsii/>.
9. **Си Цзиньпин.** О создании сообщества единой судьбы человечества. Пекин: Чжунъян бяньи чубаньше, 2021 // <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/>.
10. **Buzan B., Wæver O.** Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 // <https://www.cambridge.org/core/books/regions-and-powers/>.
11. **Guo P., Chang X.** The establishment path and basic connotation of the Confucian concept of «Harmony between Man and Nature» // Journal of Jinzhong University. 2022 // <https://www.cnki.net/>.
12. **Lexicon: «Discourse Power» (话语权)** // DigiChina, Stanford University // <https://digichina.stanford.edu/work/lexicon-discourse-power-or-the-right-to-speak-huayu-quan/>.
13. **Pines Y.** The Great Unity (da yitong) Ideal // Harvard University // <https://mahindrahumanities.harvard.edu/event/yuri-pines-great-unity-da-yitong--ideal-key-chinas-imperial-longevity>.
14. **Qin Y.** A Relational Theory of World Politics. Cambridge University Press, 2018 // <https://www.cambridge.org/core/books/relational-theory-of-world-politics/>.
15. **Schweller R.L.** Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power // International Security // <https://www.jstor.org/stable/4137546>.
16. **Wæver O.** Securitization and Desecuritization // On Security / ed. R.D. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995 // <https://www.jstor.org/>.
17. **Wang Z.** Never Forget National Humiliation. New York: Columbia University Press, 2012 // <https://cup.columbia.edu/book/never-forget-national-humiliation/>.
18. **Zhou F.** Redefining Security Contours // Journal of Contemporary China. 2022 // <https://www.tandfonline.com/>.

D.O. OREKHOV

Postgraduate student,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

EVOLUTION OF THEORETICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF THE PRC'S FOREIGN POLICY IN THE ASIA-PACIFIC REGION

The article examines the dynamics of the foreign policy course of the People's Republic of China in the Asia-Pacific region during the period from 2012 to 2024 in the context of countering the formation of an anti-China containment belt. The study analyzes the evolution of the PRC's approaches to regional policy against the backdrop of transformations in the international environment and the intensification of geopolitical competition in the Asia-Pacific region. Particular attention is paid to the political, diplomatic, and military instruments of China's foreign policy, as well as their role in shaping the regional security architecture. The theoretical framework of the study is based on elements of neorealism and social constructivism, which make it possible to identify the logic of adaptation of the PRC's foreign policy strategy to changing regional and global conditions.

Key words: the PRC's foreign policy course, regional security in the Asia-Pacific region, balance of power, deterrence strategy, political and diplomatic instruments.